

ДЖЕННИФЕР БЕЛЛ

ЧЕБЫВАЛОЕ

ГЛУТАЯ МОНЕТКА

Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84 (4Вел)-44
Б43

Jennifer Bell
The UNCOMMONERS
The Crooked Sixpence

*Печатается с разрешения Rights People, London
при содействии литературного агентства The Van Lear Agency LLC*

Белл, Дж.

Б43 Гнутая монетка: роман / Дженнифер Белл; пер. с англ. Н. Орловой. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Небывалое)

ISBN 978-5-17-100134-6

Незнакомцы устраивают обыск в доме Иви и Себа. Волшебное перо оставляет загадочные и страшные послания на стене. В старом чемодане обнаруживается портал в таинственный подземный город, а в самом городе творятся настоящие чудеса...

Самые обычные вещи обладают там необычными свойствами — на пылесосах можно летать, зубастые расчески охраняют содержимое карманов от воришек, свечи наделяют даром невидимости, велосипедный звонок может стать верным другом, а туалетный ершик становится грозным оружием.

В этом НЕОБЫЧНОМ месте Иви и Себу предстоит узнать тайны своей НЕОБЫЧНОЙ семьи, раскрыть мрачный заговор и спасти родителей.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое)

Text copyright ©Jennifer Rose Bell, 2016
Jacket art and interior illustrations copyright
© Karl James Mountford
© Н. Орлова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-100134-6

*Посвящается маме и Бет,
настоящим героиням этой истории*

Глава 1

Скорая резко свернула за угол, Иви качнулась вперед. Внутри машины все гроыхнуло.

— Ну ладно. — Фельдшер поднял глаза от карты вызовов. Он был лысым, выцветшие татуировки покрывали его руки. — Как тебя зовут? Назови имя и фамилию.

— Иви Элизабет Спэрроу, — выпалила девочка, приотпывая по полу желтыми резиновыми сапожками. В салоне стояла страшная духота, было трудно дышать. Иви посмотрела на затемненные окна за спиной фельдшера и подумала: может, попросить его открыть окно? В черном стекле отражались ее каштановые кудри, еще более растрепанные, чем обычно.

Фельдшер заполнил строчку шариковой ручкой и обернулся.

— А тебя как зовут?

На противоположном конце сиденья, вытянув ноги и подавшись вперед, сидел мальчик в серой толстовке с капюшоном, с логотипом группы The Ripz на груди.

Светлые волосы падали на глаза, но Иви точно знала: он смотрит на нее сердито.

— Я — Себ, — сухо ответил тот. — Ее брат.

Фельдшер улыбнулся и записал имя. Иви старалась не думать о брате. Это он во всем виноват.

Она наклонилась к носилкам и взяла бабушку Сильвию за руку. На поврежденном запястье у нее была повязка, на шее — высокий ортопедический воротник, на лице — запотевающая кислородная маска. Еще ни разу в жизни Иви не видела бабушку такой беспомощной.

— Сколько вам лет? — спросил фельдшер, заполняя карту.

— Одиннадцать, — сказала Иви и придвинулась чуть ближе к бабушке.

— А мне шестнадцать, — пробасил Себ.

Иви нахмурилась и покосилась на брата. В прошлом месяце ему исполнилось четырнадцать.

— Хорошо. — Лицо у фельдшера подобрело. — Ребята, я понимаю, вам сейчас нелегко, но пока главное — сохранять спокойствие. Мы скоро приедем в больницу, доставим вашу бабушку в отделение травматологии. Там ее осмотрит врач, и, если понадобится операция, она останется там на некоторое время.

Иви поморщилась. Бабушка всего один раз лежала в больнице — после *того* случая — но это было еще до рождения родителей Иви.

— Вы можете сказать, что с ней? — спросила она.

Фельдшер нахмурился.

— Думаю, перелом бедра и, возможно, запястья. Точно узнаем, когда сделаем рентген.

Он снова занялся своими записями, а Иви гладила бабушкину руку и думала, были ли у нее переломы *в тот раз*? Наверное, были. Много лет назад во время снежной бури бабушка попала в автомобильную аварию и не-

сколько дней оставалась без сознания. Когда она пришла в себя, то не могла вспомнить ни саму аварию, ни того, что было до катастрофы. Полиция знала только имя пострадавшей — Сильвия, да и то только потому, что оно было выгравировано на подвеске у нее на шее. Ретроградная амнезия, объяснила им мама. Иви точно знала, когда это случилось, дома часто об этом говорили: 5 января 1969 года. В Двенадцатую ночь¹.

— Пока у нас есть время, я должен зафиксировать детали происшествия, — сказал фельдшер и взглянул на часы. — Итак, на вызов мы приехали в половине девятого, значит, упала она без четверти восемь, да? Вы сказали, что бабушка поскользнулась на кухне, а вы оба были в другой комнате...

Иви представила, как бабушка Сильвия теряет равновесие и падает на спину, словно жук, перевернутый вверх тормашками. Если бы только она в тот момент оказалась рядом!..

— Она пекла мятные пряники, — вставил Себ. — А потом мы вдруг услышали ее крик.

Мы сами так орали, — вспомнила Иви и с досадой покосилась на брата. Они ругались из-за дурацкого нового постера группы The Ripz, который подарили Себу на Рождество, — Иви случайно пролила на него апельсиновый сок. Если бы он так не вопил на нее, они бы скорее пришли на помощь бабушке.

Фельдшер закрыл свои записи.

— Ладно, пока все. Вы можете связаться с родителями?

Иви вздохнула. *Если бы*. Больше всего на свете она сейчас хотела, чтобы родители были рядом!

¹ Двенадцатая ночь — 5 января, двенадцатый день от католического Рождества, которое празднуется 25 декабря. Последний день рождественских праздников.

— Я уже отправил им смс, но ответа пока нет, — сказал Себ. — Попробую позвонить, когда приедем в больницу. Мама на работе, но я постараюсь застать ее до начала смены.

Иви попрощалась с мамой еще вчера утром. Будь она сейчас здесь, сразу взяла бы ситуацию под контроль и со всем разобралась бы. А они с братом только и смогли, что вызвать скорую помощь.

— Папа сейчас в Париже, — тихо добавила Иви. — Он тоже работает.

Их отец работал консультантом в знаменитом лондонском Музее Виктории и Альберта¹ и так хорошо разбирался в старинных вещах, что к нему обращались за советом со всего мира.

Фельдшер поднял бровь.

— Так вот почему вы живете у бабушки...

— Мама с папой приезжали на Рождество, — объяснила Иви, чувствуя, что должна вступить за родителей. — Просто им пришлось пораньше вернуться на работу.

До сих пор ее не особенно волновало, что родители постоянно живут в Лондоне, а они с братом — у бабушки, в Блетчи-Скрабб, в шести часах езды от столицы, но ведь и чрезвычайное происшествие у них случилось впервые.

Фельдшер отложил записи и повернулся к бабушке Сильвии, которая, несмотря на высокий воротник на шее, даже попыталась улыбнуться. Иви подумала, что с такой штукой и разговаривать-то трудно: ведь бабушка промолчала, когда Себ соврал фельдшеру о своем возрасте.

— Ну что, миссис Спэрроу, посмотрим, как у нас дела. — Он откинул одеяло, чтобы осмотреть руку бабушки

¹ Музей Виктории и Альберта — крупнейший в мире музей декоративно-прикладного искусства и дизайна. Основан в Лондоне в 1852 году.

Сильвии. Тонкая полотняная повязка, поддерживающая ее, была завязана на шее, фельдшер осторожно ослабил узел и освободил руку. Бабушка поморщилась от боли.

Когда повязку сняли, Иви чуть не ахнула. Бабушкина рука раздулась и стала фиолетовой, словно гигантский баклажан. Фельдшер осторожно коснулся поврежденного запястья.

— Похоже, отек увеличивается. И наверняка очень болит. — Он аккуратно поднял руку, чтобы тщательнее осмотреть ее со всех сторон, и Иви заметила, как что-то блеснуло золотом.

— Миссис Спэрроу, — сказал фельдшер, — на вашем браслете нет застежки. Боюсь, нам придется его разрезать, чтобы снять. Вы не против?

У Иви защемило в груди. Наверное, бабушка чувствует то же самое. Ведь этот золотой браслет — то небольшое, что осталось у нее от ее прежней жизни. До того как она потеряла память. Этот браслет был на ней в день аварии, и Иви не помнила, чтобы бабушка когда-нибудь его снимала. Все знали: браслет ей очень дорог.

Бабушка Сильвия крепко зажмурилась и еле слышно прошептала:

— Снимайте.

Фельдшер достал маленькие блестящие кусачки. Раздалось *щелк-щелк*, Иви вздрогнула, а браслет распался на две половинки.

— Иви, моя сумочка... — Бабушка слабо взмахнула здоровой рукой.

Иви потянулась за сумкой и раскрыла ее, а фельдшер осторожно положил в сумку половинки браслета.

— Смотри, чтобы он не потерялся, ладно? — попросила бабушка.

Иви кивнула, заставила себя улыбнуться и заглянула в сумку, чтобы убедиться: браслет надежно спрятан во внутреннем кармане.

— Осторожно! — предупредил фельдшер. — Края очень острые.

Иви, стараясь не касаться браслета, застегнула молнию на кармашке.

— Вот, возьми, — проворчал Себ, подбирая что-то с пола. — Похоже, ты обронила.

И протянул Иви черно-белую фотографию размером с почтовую открытку. Иви видела ее раз сто: бабушка всегда носила ее в сумке. Это был единственный снимок из ее прошлой жизни. После аварии полиция обнаружила фотографию в бардачке.

— Странно, — сказал Себ, приподняв брови. — Не видел ее с самого детства.

А мы с бабушкой часто на нее смотрели, — подумала Иви, но ничего не сказала.

— Бабушка так и не вспомнила, кто эта женщина на фото?

Иви покачала головой. На снимке рядом с бабушкой Сильвией стояла незнакомка — стройная, с выразительными темными глазами и пышными волосами, выбивавшимися из-под круглой черной шляпы. На ней было платье из плотной шотландки и ковбойские сапожки с заклепками. Бабушка Сильвия была в линялом джинсовом комбинезоне и атласных туфлях, похожих на пуанты.

— Ну и видок у них! — усмехнулся Себ. — Они что, на маскарад собрались?

Иви пожала плечами.

— Кто знает, может, тогда была такая мода. — На самом деле она так не думала, просто не хотела соглашаться с братом.

– Смотрите не потеряйте, – раздался хриплый голос. Иви обернулась. Бабушка подняла здоровую руку и погрозила пальцем.

– Извини. – Иви быстро убрала снимок в сумку и застегнула ее.

Она хотела толкнуть Себа, но тот ловко увернулся и отодвинулся подальше.

Глава 2

— Папа? — Иви прищурилась. Изображение на телефоне у Себа расплывалось и тормозило. Она пихнула брата локтем в бок. — Я же говорила: видеозвонок — это дурацкая идея. Ну почему ты просто не позвонил им?

Себ пробурчал что-то по поводу плохой связи и передвинул телефон на коленях.

— Если бы у тебя, как у всех нормальных людей, был телефон, ты бы понимала, что трехсторонний звонок в видеочате — это круто. Но ведь у тебя телефона нет. Ты же у нас *не как все*.

Иви закатила глаза. Спорить с братом бесполезно.

— Мама? Папа? Вы нас видите? — Изображение мигнуло. Иви заерзала на стуле. Они сидела в приемном отделении больницы, вокруг сновали врачи в белых халатах со стетоскопами на шеях, сестры с медкартами, пациенты в гипсе и на костылях и их встревоженные родственники. Иви обвела взглядом линолеум на полу и крашенные белой краской стены. Строго и уныло.

Всего четыре дня прошло после Рождества, а тут уже никаких украшений, ни следа праздника, будто его и не было. Бабушке Сильвии это бы не понравилось.

— Иви? Ты меня слышишь?

— Папа! — Ну, наконец-то! Изображение стало четким. Иви поморщилась. Папа придвинулся слишком близко к камере, и его бледное веснушчатое лицо заняло почти всю левую половину экрана. Справа они видели маму: она сидела в своей больнице за столиком служебного кафе, в голубом сестринском костюме, из верхнего кармашка свешивались часы.

Мама убрала прядь каштановых волос за ухо и, нахмурившись, приблизилась к камере.

— Вот сейчас я вас вижу, но изображение нечеткое.

— А я уже еду на поезде в Париж, — сказал папа. — Связь ужасная. Меня кто-нибудь видит?

— Мы видим вас обоих, — ответила Иви. — Вы слышали, что я говорила о том, что случилось с бабушкой?

Папа нахмурился.

— Да. Поверить не могу. Как она? С вами все в порядке?

Иви пожала плечами.

— С нами все в порядке.

— Себ, — строго спросила мама, — ты присматриваешь за сестрой?

Себ развалился на больничном стуле рядом с Иви, закинув ноги в стоптанных белых кроссовках на низкий пластиковый столик и положив телефон на колени. На шее у него как всегда болтались наушники.

— Присматриваю, — буркнул он. — Не волнуйся.

Иви подумала и сказала:

— Себ соврал врачу скорой: сказал, что ему шестнадцать.

Себ прищурился.